

Когда Гуань Хаобинь с товарищами, запыхавшись, примчались к зданию Бригады, их ждал сюрприз. Вместо заправских хулиганов, устроивших погром, посреди холла обнаружилась толпа пьяных в стельку старшеклассников.

Все лица были Хаобиню отлично знакомы — ребята учились в шестой городской школе и частенько при встрече улыбались ему и вежливо здоровались. Особенно выделялся один — тот самый, что сейчас увлеченно развалился на длинной лавке, размахивая руками и ногами. Это был Шэнь Чжэхао — первый школьный красавчик, который некогда стащил у Хаобиня свисток, чтобы потом торжественно вернуть его в качестве подарка на день рождения.

Увидев этих хмельных юнцов, троица только руками развела — ну и комедия! Понятно теперь, почему дежурные коллеги позволили им так бесноваться: с этими оболтусами связываться никому не хотелось.

Хаобинь еще не успел перевести дух и только открыл рот, чтобы окликнуть дежурного Ван Цингэня, как лежавший на скамье Шэнь Чжэхао внезапно взвился на ноги. Движения его оказались на редкость ловкими для пьяного. В один прыжок он подскочил к офицеру и намертво вцепился в него:

— Братец Гуань! И-ик... Наконец-то ты пришел!

— Ишь, распетушились, мелюзга! — Лю Сымянь ухватил за шиворот ближайшего паренька. — Совсем страх потеряли, в полицию буянить заявились? Сами к черту на рога ломитесь, жить надоело? А ну колитесь, кто у вас тут заводила?!

— Дяденька, вы не того взяли! — возмутился парень, обдав Сымяня густым перегаром. — Вон же зачинщик, в нашего офицера вцепился!

— А ну отцепись, пьяная твоя рожа, — проворчал Хаобинь, аккуратно, но твердо отстраняя от себя этого хмельного клеща. — Совсем берега попутали? Говори, зачем искал?

Тан Шаочуань, наблюдая за этой сценой, недовольно нахмурился. Излишнее терпение и добродушие Хаобиня его откровенно раздражали. «Что за сопляки? Получить давно не пробовали? Мой Бинь-бинь вам что, нянька?» — крутилось у него в голове.

— Чего ты с ними нянчишься? Вышвырнуть взашей, и все дела, — буркнул он.

Один из парней, рослый и упитанный, уловив угрозу в голосе Шаочуаня, тут же вскинулся. Он, багровый от алкоголя, вспыхнул праведным гневом:

— Слышь, дядя, ты вообще кто такой? Местные гаишники молчат, а ты рот разеваешь!

— Ишь ты, голос прорезался, — Шаочуань шагнул вперед, занеся тяжелую ладонь для

затрешины, но Хаобинь успел перехватить его руку.

— Шли бы вы с Сымянем в сторонку, — тихо попросил он. — Это же дети. Сам разберусь.

— Братец Гуань, я уезжаю... — Шэнь Чжэхао снова нетвердой походкой приблизился к Хаобиню и схватил его за ладонь.

— Да и скатертью дорога, — пробормотал Хаобинь, потирая лоб. — Давай сюда телефон, я наберу твоим родителям, пусть забирают это чудо.

— Да я правда уезжаю! Насовсем! — запричитал Чжэхао с глуповатой улыбкой.

— Неужто рак в столь юном возрасте подкосил? — ядовито поинтересовался Шаочуань. — Так тебе тогда к доктору надо, а не к гаишникам.

— Братец Гуань, он за границу уезжает, — вклинился в разговор щуплый паренек в очках. — Учиться. На несколько лет, не меньше.

— За границу? — Хаобинь опешил. — Ну так визами и паспортами не наш отдел занимается.

— Мальчик, ты что, за подарком на прощание пришел? — с улыбкой спросила Хань Юнли, дежурившая в ту смену.

— Не к вам обращаемся, тетенька! — огрызнулся один из приятелей Чжэхао, заставив Хань Юнли смущенно замолчать.

— Так чего ради вы здесь? Неужто просто попрощаться? — Хаобинь искренне не понимал, что происходит. С этим парнем они едва были знакомы, с какой стати такие проводы?

— Да нет же! Наш Красавчик Шэнь пришел признаться! — парень, стоявший позади Шэнь Чжэхао, ощутимо толкнул того в спину. — Ну же, Красавчик Шэнь, действуй, время не ждет!

От этого толчка Шэнь Чжэхао качнулся вперед, внезапно обхватил лицо Хаобиня ладонями и, прежде чем кто-то успел охнуть, поцеловал его.

Все присутствующие в холле онемели.

Тот самый парень, что подтолкнул Шэнь Чжэхао, мгновенно среагировал: схватил разомлевшего друга в охапку и потащил к выходу:

— Всё, дело сделано! Смываемся, пока люлей не выхватили!

Прежде чем полиция пришла в себя, толпа школьников шумно вывалилась на улицу и растаяла в сумерках.

Гуань Хаобинь стоял посреди зала, багровый до кончиков ушей.

— Ты когда-нибудь видел подобную наглость? — выдавил из себя смущенный до предела Хаобинь, оборачиваясь к Тан Шаочуаню.

— Честно? В жизни такого не видел, — Шаочуань едва сдерживал дикий хохот. — В мое время я тоже в школе шороху наводил, но чтобы вот так, прямо в участке... Духу бы не хватило.

Он повернулся к притихшему Лю Сымяню:

— А ты, брат, видал когда такое?

— Нет... — глухо отозвался Лю Сымянь.

В его душе бушевал ураган. Сцена, разыгравшаяся секунду назад, оставила странное, липкое послевкусие. Словно он случайно проглотил муху — и не выплюнуть, и не переварить. Сымянь поймал себя на дикой, пугающей мысли: а что, если бы на месте этого сопляка Шэнь Чжэхао оказался он сам? Если бы это он прижал Хаобиня к себе и поцеловал... губы в губы... Каково бы это было? Противно? О господи, точно нет! Зависть? Пожалуй. Хотелось бы ему оказаться на месте того мальчишки? Определенно... Да он только об этом теперь и думал.

— Матушка пресвятая! Да это же исторический момент! Это надо в летописи нашей Бригады золотыми буквами вписать! — воскликнула Кан Цзинцзин, оправившись от шока.

Несмотря на выходной, в отделе помимо дежурной смены крутилось немало народу, и все они стали свидетелями этой уморительной немой сцены. Цзинцзин, известная своей страстью вынюхивать, раздувать и разносить по свету любые сплетни, так и сияла. Хаобинь прекрасно понимал: не пройдет и двух дней, как об этом поцелуе будет трубить вся система дорожной полиции, а за ним и весь городской главк.

— Кан Цзинцзин, я тебя предупреждаю, — процедил Хаобинь, глядя на ее торжествующую мину. — Если ты хоть слово присочинишь и испортишь мою репутацию, я тебе этого не спущу!

— Ой, напугал, дрожу мелкой дрожью! — хихикнула та. — У тебя талант создавать сенсации, а у меня — нести их в массы. Радоваться должен, я тебе бесплатную рекламу делаю!

— Хотел посмотреть на твое представление, а в итоге сам стал шутком, — ворчал Хаобинь, увлекая за собой ухмыляющегося Шаочуаня и совершенно потерянного Сымяня. — Пошли отсюда, кино окончено.

— Слушай, ну разве так признаются? — развлекался Шаочуань, крутя руль по дороге домой. — Цемкнул и удрал. Хоть бы колечко подарил на память, чтоб по возвращении признаться.

— Шаочуань! — рявкнул уязвленный Хаобинь.

— Нет, ну серьезно, пацан явно незрелый. Подумал, раз поцеловал, значит, метку поставил? Мужик должен нести ответственность, отвечать за свои поступки, а этот... трусливо сбежал, — продолжал веселиться кузен.

— Тан Шаочуань!!! — Хаобинь был на грани взрыва.

— Молчу-молчу, — примирительно поднял руку Шаочуань. — Но если серьезно, Бинь-бинь, ты слишком мягкий. Доброта твоя боком тебе выходит. Другие копы ходят — морды кирпичом, за версту обойти хочется. А ты вылитый соседский мальчишка. Милый, безобидный, затискать так и тянет. Вот на тебя малолетки и вешаются.

— Где это во мне безобидность разглядели? — возмутился Хаобинь. — И кто сказал, что полицейский обязан выглядеть как бандюган? В нашей Бригаде все нормальные люди.

— Ну, тут ты загнул, Молодой господин Гуань, — подал голос Лю Сымянь со штурманского кресла. — Тот коротышка, Ци Фэй, вылитый рецидивист. Рожа просит кирпича.

— Вот-вот, золотые слова! — поддержал Шаочуань.

— Сговорились, — буркнул Хаобинь. — И вообще, прекратите. Мне тошно. Кто еще раз эту тему поднимет — обижусь не шутя.

— Ладно, ладно, рот на замке, — усмехнулся Шаочуань.

Обещание молчать Шаочуань сдержал ровно до вечера. На беду Хаобиня, дядя Тан Юн пригласил всю семью на ужин. И Шаочуань в красках, с ужимками и прыжками, поведал собравшимся о «нападении хмельного выпускника».

За столом грянул дружный хохот. Тан Лань смеялась до слез, а Хаобинь сидел чернее тучи, сердито глядя на кузена.

— Мама, если ты не перестанешь смеяться, я уйду, — пригрозил он.

— Все, все, сынок, молчу... — Тан Лань попыталась напустить на себя серьезность. — Но боже мой! Ты у меня такой красавец вырос, что девушки, небось, сами комплексуют и подойти боятся.

— Тетушка, за Бинь-биня не переживайте, он у нас парень универсальный, любого с ума сведет, — уворачиваясь от летящей в него салфетки, хохотал Шаочуань.

— Да уж, раз даже мальчишки ради него на амбразуру идут, — вставила У Хайин. — Бинь-бинь, надо тебе срочно невесту искать, а то уведут ведь!

— Да без проблем, завтра же подам объявление на телевидение! — огрызнулся Хаобинь.

Гуань Цзюньсун, посмеиваясь, спросил сына:

— А этот парень больше ничего не вытворял?

— Да ничего! Я его знать не знаю. Напились с друзьями, вот крышу и сорвало. Решил перед пацанами порисоваться.

— А вдруг он и впрямь в тебя влюбился? — с улыбкой предположил отец.

— Папа, ну хоть ты не начинай!

— У меня есть знакомый учитель в шестой школе, — задумчиво произнес Шаочуань. — Могу разузнать, что за фрукт.

— Зачем? Побить его хочешь? — фыркнул Хаобинь. — Глупость малолетняя, забей.

— Нет, ну а как? Опозорил тебя при всем честном народе. Надо хоть родителям его высказать, пусть ремня дадут.

— Не надо никого трогать, — покачал головой Хаобинь. — Я взрослый человек, переживу. А парню еще учиться. Из-за одной глупой пьяной выходки ломать ему жизнь — у него вся жизнь впереди.

— Тут Хао-эр прав, — поддержал Тан Юн. — Проехали и забыли.

— Вот именно, — Тан Лань шутливо шлепнула Шаочуаня. — О брате он печется! Самому уже за тридцать, а все в холостяках бегаешь. О своей семье подумай!

— Ну вот, опять за старое, — заныл Шаочуань. — Хао-эр только совершеннолетие отметил, а вы его уже женить хотите.

— Какое совершеннолетие, ему двадцать четыре скоро! — отрезала Тан Лань. — А ты не переводи стрелки.

К великому сожалению Хаобиня, Кан Цзинцзин оправдала свое прозвище «Громкоговоритель». К понедельнику в Бригаде не осталось ни одного человека, который бы не знал о происшествии. Стоило Хаобиню показаться в коридоре, как на него сыпались смешки.

Даже суровый инструктор Лю Дабао при виде него невольно улыбался, а Ци Фэй и Лю Тяньпин откровенно издевались, сокрушаясь, что пропустили такое зрелище.

В конце концов, не выдержав прессинга, Хаобинь взорвался прямо посреди кабинета:

— Кто еще раз вспомнит этого ненормального, я за себя не ручаюсь!

Но запугать матерых коллег у него не вышло. Из юридического отдела неторопливо вышла Фан Тинтин — женщина с характером железной леди:

— Товарищ Гуань, что за дремучесть? Как офицер полиции, ты должен шире смотреть на вещи. С каких пор любовь стала ненормальностью? Ну нравится парню парень, и что с того? Мы строим современное, гармоничное общество, где каждый имеет право быть собой. Так что поумерь свой пыл.

Слова Тинтин вызвали взрыв хохота в кабинете.

Хаобинь, хоть и покраснел, невольно улыбнулся. Но тут в его голове всплыл один мучивший его вопрос, и он тихонько спросил Фан Тинтин:

— Сестра Фан... а кто такие «лала»?

Фан Тинтин уставилась на него с неподдельным изумлением:

— Ты серьезно не знаешь?

— Знал бы — не спрашивал.

— Это девушки, которые любят девушек. Лесбиянки, проще говоря.

— Лесбиянки?! — у Хаобиня глаза на лоб полезли. — Ого... А тогда кто такая «утка»?

— Утка? — Тинтин на секунду зависла, а потом лукаво улыбнулась. — А-а, ты про «укэ»? Ну, это в мужских парах... как бы сказать... тот, кто принимает женскую роль.

Хаобинь вспыхнул до корней волос от такой откровенности.

— Ой, Молодой господин Гуань, — прищурилась Фан Тинтин, придвигаясь ближе. — Что-то ты больно любознательный сегодня. Уж не скрываешь ли ты от нас чего?

— Ничего я не скрываю! — поспешно крикнул Хаобинь, пятась к двери. — На улице девчонки шептались, вот мне и стало интересно!

И, не дожидаясь продолжения допроса, пулей вылетел из кабинета.

<http://bllate.org/book/18980/1924950>